

КНИЖНЫЙ ШКАФ

Имя Валерия Белунцова большинство наших читателей наверняка услышит впервые. Зато мне оно знакомо до боли – боли непроходящей и неизлечимой. Валеры, с которым я училась в консерватории, больше нет. Он ушел из жизни прошлой зимой, оставив после себя двух дочек, около 600 музыкальных произведений (почти во всех возможных жанрах – симфонии, концерты, сонаты, квартеты, пьесы), музыкальное оформление к 70 спектаклям и аудиокнигам, 20 опубликованных книг (преимущественно по музыкально-компьютерным технологиям), множество статей, две регулярные авторские передачи на Радио России (посвященные музыке и современным технологиям), десятки восхищенных учеников и – стихи.

Стихи на русском, итальянском, английском, немецком, польском языках, а также на эсперанто. Этот человек, загадочным образом умея находить время для всего, что ему было интересно, владел почти десятком языков – и не просто владел, а писал на них стихи и песни. Их – песен на собственные стихи – Валера успел создать около двухсот, параллельно выдумав новый жанр, близкий авторской песне – «зингферс» («поющее стихотворение»). Жаль, уже никогда больше не сможет он исполнить под гитару свои сочинения, никогда не напишет новые музыкальные и поэтические строчки...

Наша сегодняшняя публикация – дань памяти этому удивительному человеку, который увлекался математикой и программированием, музыкой и поэзией, языками и песнями – и во всем стремился дойти до совершенства.

Из сборника стихов

ЭПИГРАММА

<Сергею К.>

В искусстве, товарищ,
нужна нам свобода,
И, коли творишь –
так наплюй на народа!
Хоть музыка – зеркало
нашей души,
Но – жидкое слишком!
Туда не дыши!

(1990)

* * *

...Нарисую параклит.
И рисунок зазвенит.
Нет слов и нету фраз.
Есть лишь только то, что в нас.

Нарисую искру-луч.
И рисунок будет жгуч.
Нет смысла бытия.
Есть лишь только ты и я.

(1991)

я лежу на верхней полке
и качается вагон.
на душе скребутся волки
вырывая душу вон

словно чистая бумага
чуть соленая река.
словно утренняя влага
чуть соленая щека

(1990, поезд – пос. Красногвардейской)

* * *

То, что было, все равно уже было.
То, что будет, все равно будет.
То, что есть, все равно есть.

Того, чего не было, все равно не было.
Того, чего нет, все равно нет.
Вот только жаль того, чего не будет...

(1987)

ЗВОН И ПТИЦА

Летают в небе луны
У солнца луч отнят
Оборванные струны
Звенят звенят звенят

Звенит звенит из дали
Обрывочный фальцет
И звон пустой эмали
Звенит ему в ответ

О как сияли лица
Пейзажи и дома
Но прилетела птица
И всех свела с ума

Рука слепой фортуны
Прервала снов каскад
Оборванные струны
Звенят звенят звенят

(1990)

Из песенных текстов

ТИХИЙ УГОЛОК

(№10 из цикла «Чайный сервис»
Музыка и текст Валерия Белунцова)

Мне нужен тихий уголок,
Куда не проникают лица...
Штиль-завод в бешеной столице,
Где не кончается поток
Автомобилей, труб, заводов,
Подстанций, молниеотводов,
Толпы, спешащей, как всегда,
Самой неведомо куда...

Мне нужен ласковый рояль
И утешенье от кошмара,
И шестиструнная гитара....
Мне нужно слышать нежный вальс
И Горовица звук прелестный,
Оркестр Малера небесный
И слезы что ронял Шопен,
И дивный голос Сазерлен...

Мне нужен Солнца яркий свет,
Зеленых листьев обаянье,
Порой – «восьмого»¹ ожиданье
И чей-то дружеский привет...
И та, кто мне всего дороже,
О ком молю тебя, о Боже,
Как путник зимний без пальто...
Или она, или никто!

¹ – троллейбус №8, ходил мимо Московской консерватории до начала 1990-х годов.

Из «зингферсов»

ГРУСТЬ
зингферс 34

Я не знаю, как это понять.
То ли вверх, то ли вниз, то ли вспять.
Бесконечные сны, быстротечность весны,
А в печали – покой, тишь да гладь.

И как будто во сне, поутру
Легкий воздух кружит на ветру –
Только слово одно напишу – и в окно –
Прочитаю и быстро сотру.

Пролетели три дня без следа.
Получается сплошь ерунда.
То ли лед, то ли снег, то ли стол, то ли бег,
То ль на времечко, то ль навсегда.

Только вспышка – и полная тьма.
То ли сам, то ль само, то ль сама.
Только брызги воды, смех далекой беды,
И опять же – пошла кутерьма.

Но зачем – разъяснять, понимать?
Может, лучше – убрать, разломать?
То ли крах, то ли бред, то ли мрак, то ли свет –
Отдавать, получать, принимать?

(1985)

Я ЭТО ПЕТЬ НЕ БУДУ
зингферс 48

Я это петь не буду,
Хоть глохнет сердце грусть.
Ведь я ушел когда-то,
И долго не вернусь,
Ведь я ушел когда-то
За тридевять земель,
Где замает в душу
Метель, метель, метель.

Я это петь не буду.
Скажите всем о том,
Что я люблю, как прежде,
Тебя, Москву и дом,
Что я не презираю
Ничто и никого

И даже постараюсь
Петь песни, как живой.

Я это петь не буду
И не сойду с ума.
Мне чужды эти лужи,
И облака, и тьма,
И судоржных морозов
Кровавый цветозвук,
И – за столом убогим
Лишь сало, хлеб и лук.

Я это петь не буду
Ни в жизни, ни в потьмах.
Ведь скоро будет чудо –
Улыбка на устах!
Ведь скоро будет чудо...
И – пусть грозит беда –
Я это петь не буду
Нигде и никогда.

(1987, воинская часть в г. Острогожск Воронежской обл.)

ОКУДЖАВИАНА
зингферс 57

Когда вокруг меня как серая отравы
Зияет пустота, и ни души вокруг –
Я вспоминаю Вас, маэстро Окуджава,
И голос Ваш ко мне снисходит, словно друг.

Ваш голос вновь и вновь зовет и утешает,
Даря огонь души и чистоту тепла,
Уводит в край чудес, мечтания спасает
И открывает то, что так скрывала мгла.

И чистая любовь воспрянет с прежней силой,
И в памяти – Москва возникнет предо мной...
Я вижу дом родной, я вижу образ милый –
И вновь в моей душе рождается покой.

Когда вокруг меня как серая отравы
Зияет пустота, и ни души вокруг –
Я вспоминаю Вас, маэстро Окуджава,
И голос Ваш ко мне снисходит, словно друг.

(1988)

ПЕРИФЕРИЯ
зингферс 59

Посмотри – вот деревни, поселки,
Что ютятся вдоль грязных дорог...
Неказистые жизни осколки,
Из прогресса – лишь вырванный клоч.

Посмотри на убогие хаты,
На ромбы покосившихся крыш...
Для работы – серпы да лопаты,
А вокруг – безответная тишь!

У скотины ни корма, ни крова.
Люди в хате – как в рваном чехле...
За забором три тощих коровы
Ищут сено в промерзшей земле.

Рядом вбиты столбы очень точно
Параллельно заросшей тропе.
И корявая надпись: «ДОСРОЧНО
XXIII съезда КП»

Рядом домик стоит чуть повыше,
На земле лежит надпись «ПРОДУК»...
На прилавках заплыванных – мыши,
Три гнилых помидора и лук.

Люди прячутся в тесные хаты,
Не хотят даже высунуть нос...
Здесь – не видно ни тени утраты,
Не бывает ни смеха, ни слез.

Знаю, скажете: «Периферия! –
Там так было и есть – ну и пусть...»
Но ведь это же – наша Россия!
Это – наша великая Русь!

(1989, г. Острогожск Воронежской обл.)